

Анастасия Азова

Браслет богини

Глава первая

Я сидела на большом шершавом камне, потирая разбитую коленку, и ругалась сквозь слёзы. Вот ведь занесла меня нелёгкая! Верно говорят — чёрная кошка дорогу перебегает к несчастью. А мне она сегодня столько раз её перебежала, металась из стороны в сторону, да ещё пялилась на меня своими глазищами... А сейчас виновница этой нелепой и неподдающейся никакому разумному объяснению теперешней ситуации сидела напротив и гипнотизировала меня своим пристальным и тревожно-загадочным взглядом.

В детстве я была очень подвижным и в то же время страшно неуклюжим ребёнком. Так как я часто делала то, что мне взбрѣдет в голову, в квартире постоянно стоял звон разбившейся посуды и грохот опрокинутой мебели. Однажды совершив с большим трудом восхождение на буфет, где стояла парадная, как её называла мама, посуда и по дороге смахнув на пол пару фарфоровых безделушек, я, держа над головой дедушкин зонт, совершила парашютный прыжок. Приземлилась я прямѣхонько

на высокий с глянцевыми листьями фикус, тот упал на маленький столик, на котором стояла красивая старинная настольная лампа, и она, издавая громкие хрустальные звуки и всхлипы, скончалась на моих испуганных глазах. Вся в земле, в изодранном платье, с торчащими в разные стороны из волос спицами сломанного зонта и безуспешно пытавшейся освободить застрявшую в горшке ногу — такой я предстала перед изумлёнными глазами немедленно появившихся в дверях мамы и дедушки. Пока под мои душераздирающие вопли он вытаскивал из земли мою ногу и распутывал волосы, накрученные на спицы, мама со скорбным лицом оглядывала разгром в комнате, учиненный мною, затем вынесла свой вердикт

— Ну, какая ты Элен? Варвара самая натуральная! — причём ударение она поставила на первый слог.

— Почему Варвара??? — в один голос изумлённо спросили мы с дедушкой, который к этому времени уже распутал мои волосы и освободил меня от цветочного горшка.

— Потому что, как последний варвар, всё громит и уничтожает! Скажешь — нет?! После неё остаются одни только руины, трупы и выжженная земля!

— Какие трупы? — испуганно спросил дедушка.

— А ты забыл, какая участь постигла наших рыбок, когда этот варвар, — тут она обличающим жестом указала на меня, — в прошлом месяце опрокинула аквариум?

Я стояла, опустив голову, понимая всю справедливость маминых обвинений. В тот злополучный день, прочитав накануне очередной рыцарский роман, я, вооружась дедушкиной тростью, которая исполняла роль сабли, доблестно сражалась с придуманным мною противником и после очередного его коварного выпада в мою сторону я «ловко» отскочила назад и... опрокинула аквариум. Не в силах осознать, что произошло, я, как заморожённая, смотрела, как из разбитого аквариума быстро вытекает вода вместе со всем содержимым. Этот водный поток с ужасающей быстротой устремился в разные стороны, затекая под мебель, и через минуту водой был покрыт уже весь пол в комнате. Пока я безуспешно пыталась собрать воду простынёй, которая до того, как стать половой тряпкой, исполняла роль рыцарского плаща, вода сама стала исчезать сквозь паркет и впитывалась в толстый ковёр. И вот тут я увидела на обмелевшем полу рыбок! Лишившись своей привычной среды, они беспомощно бились об пол и высоко подпрыгивали. Я, ползая на коленках, стала их ловить, но это было сделать не так, то просто, потому, что они выскользывали из моих мокрых

рук и опять оказывались на полу. Наконец, когда мне удалось поймать одну из них, я поняла, что у меня нет воды, куда я смогла бы её выпустить и тогда, крепко держа в руке рыбку, пробежав по чавкающему ковру, я оказалась на кухне, где, налив из крана в мамину любимую чашку воду и, выпустив туда рыбку, я вернулась в комнату, где обнаружила, что часть рыбок, хотя ещё и подпрыгивают, но уже как-то вяло, а остальные лежали, не подавая ни каких признаков жизни. Быстро собрав и тех и других в чашку, я стала ждать неизбежного возмездия за содеянное. Ждать долго не пришлось, наказание было адекватно совершенному преступлению, тем более, что отягчающим обстоятельством явилось появление разгневанных соседей, которых я затопила. Так, благодаря этим двум моим последним «подвигам», я обрела второе имя, которое так прилипло ко мне, что скоро почти вытеснило первое.

Прошли годы, и из неуклюжей девочки я превратилась в стройную привлекательную девушку, и уже давно не играла в рыцарей, но «привычка» попадать во всякие несуразные и нелепые ситуации осталась.

Когда я поступила в университет — на факультет лингвистики — дедушка подарил мне небольшой Фольксваген. Как-то, опаздывая на занятия, даже не позавтракав как следует, я

плюхнулась на сиденье машины, и тут выяснилось, что мой стальной мустанг сегодня решил взбунтоваться и упорно не желает заводиться, как я ни крутила ключ зажигания и ни взывала к совести автомобиля. К счастью, университет был не очень далеко от дома и я, тяжело вздохнув, решила добираться до него общественным транспортом, короче говоря — трамваем. По закону подлости, трамвая, конечно, долго не было, я начала жутко злиться, так как у нас в этот день был очень важный семинар, на котором я должна была представить свой доклад. Простояв почти полчаса на остановке, я поняла, что безнадежно опаздываю, времени на дальнейшее ожидание у меня нет и нужно срочно ловить такси. И тут меня неожиданно хлопнули по плечу. Резко обернувшись, чтобы высказать нахалу всё, что о нём думаю, я узнала Пашку, с которым некогда дружила и училась в одном классе. Но после окончания школы я решила заняться лингвистикой, а Павел поступил в медицинский университет.

— Привет! Чего ты тут стоишь, как фонарный столб?

— Трамвая жду, а его всё нет и нет...

Пашка вдруг сложился пополам от хохота.

— Трамвая ждёшь? — насилу выдавил он из себя. — Ой, не могу... А где ты здесь видишь рельсы, скажи на милость?

Я посмотрела. Действительно, рельсов не было! Как же так?!

— Но ведь здесь всегда была остановка, я это точно помню!

— Была — два года тому назад! Но муниципалитет в год нашего выпуска решил перенести остановку в другое место, рельсы разобрали, а до тебя это и не дошло!..

— Хватит ржать! — я с неудовольствием смотрела на закатившегося в отвратительном смехе приятеля. — Лучше подвези меня, а то я жутко опаздываю.

Сидя в старом раздолбанном драндулете, и глядя на никак не могущего успокоиться Пашку, я с унынием думала, что в очередной раз проявила себя, как полная идиотка.

Разумеется, на следующий же день об этой истории было уже известно всем моим знакомым, и, на некоторое время, я стала объектом всевозможных шуточек.

Все это — лишь ничтожная часть историй, которые со мной приключались регулярно, но всё это привело к тому, что я очень скоро привыкла, что со мной, то и дело приключаются разные неприятные, а иногда и необъяснимые вещи, и каждая следующая превосходила предыдущую по своей нелепости и даже глупости. Иногда, когда одна история не спешила начаться после того, как

закончилась прежняя, я даже начинала паниковать, зная, что это значит лишь одно — эта новая будет просто венцом всей этой череды.

Но если прежде во всех своих неприятностях была виновата только я сама, мой неуёмный характер и никогда в них не был замешан никто другой, то те невероятные приключения, о которых я собираюсь вам рассказать, оказались самым тесным образом связаны с самым дорогим человеком в моей жизни, которого я просто обожала. Уже потом выяснилось, что моя история стала как бы продолжением его.

Речь идёт о моём любимом дедушке — прекрасном, добром человеке, который всячески меня баловал и защищал всегда и ото всех. Если судить по фотографиям, то в молодости он был очень красив и до сих пор сохранил свою привлекательность и стать, хотя некогда ясные голубые глаза со временем чуточку утратили свой блеск, поблек загар, волосы поседели.

По профессии он учёный-археолог, с мировым именем. Всю свою жизнь дедушка провёл в постоянных экспедициях. И где он только ни побывал... Египет, Мексика, Китай, Япония... Джунгли Амазонки... Дельта Нила... Ганга... У него в кабинете висела большая карта мира, на которой он отмечал все страны, где ему довелось

побывать, и сам утверждал, что ему гораздо проще перечислить те, где он не был, когда его спрашивали, куда его заносила жизнь. Без единого красного флажка были только два скопления льда у полюсов, и то я в детстве думала, что туда дедушка ни разу не ездил только потому, что был чрезмерно подвержен простудным заболеваниям.

Как гласит наша семейная легенда, во время одного из этих своих путешествий он познакомился с моей бабушкой. Тогда он отсутствовал очень долго, дольше всего — так что даже ближайшие друзья его потеряли. На поиски отправился его лучший друг Григорий, и тоже исчез. И только через пять лет после этого они оба вернулись — совершенно измотанные, но — в сопровождении удивительной красавицы, которую дедушка опекал со всей заботливостью, тем более, что красавица была беременна. Это была моя бабушка. Они поженились незадолго до того, как у них родилась дочка, моя мама.

Бабушку я не помню. Я знаю о ней только по крайне редким рассказам. Мама всегда говорила, что ничего не помнит о своей матери и старалась оборвать разговоры о ней. Дедушка же на все расспросы только горестно вздыхал и замыкался в себе. Лишь однажды он позволил себе сказать несколько слов.

— Она была чудесной женщиной, Элен. Это была не простая смертная, но королева, богиня! Да ты посмотри на неё сама!

Я и сама ежедневно бегала в кабинет дедушки, где висел удивительный портрет сказочной красавицы — моей бабушки. Он был... волшебным, заколдованным, я не знаю, как иначе объяснить то чувство, которое притягивало меня сюда, заставляло подолгу стоять перед полотном, вглядываться в изображение, любоваться роскошными золотистыми волосами этой девушки, тонуть в изумрудных озёрах её глаз. Казалось, и сам портрет, и юная бабушка хранят некую тайну, которая была никому не ведома, я сильно сомневалась, что даже дедушке известен ответ на эту загадку... Загадку, которая скрывалась в каждом штрихе неведомого художника, в лучистых глазах портрета, в мягкой, нежной, немного грустной и в то же время озорной усмешке девушки, в лебедином изгибе её шеи, была заключена в каждый камешек её украшений.

На незнакомке был дивный гарнитур из неизвестных мне камней. Это были не бриллианты, не изумруды, которые, казались, так и напрашивались, чтобы подчеркнуть цвет глаз, не жемчуг. Это были блестящие непрозрачные чёрные камни, из них было сделано ожерелье, браслеты и кольцо, блестящее на правой руке. У меня

почему-то сразу, как я увидела этот портрет, возникло ощущение, что эти украшения — более поздняя деталь портрета, появившаяся спустя много лет после того, как картина была закончена, но почему мне так казалось — я не могла понять. Композиция была такой целой, создавалось впечатление, что девушка на портрете родилась уже с этими загадочными чёрными камнями.

Однажды я спросила у мамы, что это за камень.

— Обсидиан, — неохотно сказала она. Мама очень не любила разговаривать о бабушке, но тогда я пристала к ней, как репей и отделаться от меня и моих вопросов было ну никак невозможно. — По её словам, она принадлежала к какой-то очень обеспеченной семье, но изо всех украшений предпочитала этот гарнитур, с которым практически не расставалась. Даже если она снимала что-то, хотя бы один предмет обязательно оставался на ней. Потом она ушла, вместе с ним...

Раз в год, девятого января, дедушка запирался ото всех в своём кабинете и не выходил оттуда до следующего утра. Однажды я решила посмотреть, что же там происходит, через замочную скважину... И увидела, что дедушка сидит за столом, глядит на портрет, лицо его состарилось на несколько лет... По лицу бегут слёзы, дедушка

держит в руках небольшую шкатулочку, и что-то говорит на каком-то совершенно удивительном, мелодичном языке.

На следующее утро я подошла к дедушке и призналась в том, что увидела.

— Никогда больше так не делай! Не хорошо так вламываться в личную жизнь людей и в чужие тайны! — это был единственный случай, когда он повысил на меня голос, обычно он не ругал меня, никогда. Даже когда мы с друзьями разнесли его кабинет, а я случайно залила чернилами тетрадь с записями, над которыми дедушка трудился уже давно (компьютера дедуля не признавал, и писал по старинке, чернилами). Мама тогда меня очень отругала, но и тогда дедушка за меня заступился. А тут... Тут он был очень недоволен.

Кроме этого портрета и карты, в кабинете чего только не было! Дедушка из каждого путешествия привозил с собой всевозможные сувениры, просто восхитительные, хотя, на мой взгляд, редко имеющие какую-нибудь ценность, кроме чисто исторической. Так, я не думала, что стоимость деревянных чёток четырнадцатого века — именно самих чёток, без учёта их древности, была так уж велика. Учитывая, что лак, которым они были покрыты, облупился на некоторых бусинах? Но дед от них был в неопишемом восторге, частенько доставал из шкатулки, где они хранились, и

рассказывал удивительную историю о том, как они к нему попали. У него были потрясающие браслеты, бусы, кольца... Зеркало работы ацтеков — вот что имело большую ценность — оно было не из стекла, а из серебра. У него же была почти целая амфора, которую он вывез с одного из греческих островов контрабандой. И оттуда же он вывез немало экспонатов для своего маленького домашнего музея. И, откуда бы он ни возвращался, он никогда не забывал о своей единственной и горячо любимой внучке и обязательно привозил мне множество разных милых безделушек.

Но была в его коллекции и такая вещь, которую, как мне казалось, он просто боялся. Он старался не доставать её из шкатулки, задвинутую на самый задний план, хотя я однажды увидела его, вернее, подглядела.

Это был обсидиановый браслет, очень древний, но прекрасно сохранившийся. Он состоял из множества мелких камешков, чёрных, отполированных до блеска, на каждом из них была золотая насечка в виде какой-то закорючки. Когда я спросила у дедушки, что это такое, он не ответил и категорически запретил мне впредь возвращаться к этой теме.

Я тогда обратилась к маме. Она ведь мне говорила, что бабушка, уходя, забрала с собой и

свои драгоценности, а теперь я увидела браслет... Я была уверена, что это тот самый, который изображён на портрете, бабушкин браслет. Значит, бабушка не все свои драгоценности забрала тогда?

— Все, — отрезала мама. — Этот браслет твой дедушка привёз уже много позже из своей очередной экспедиции, и после этого прямо-таки заболел. И кончай ты эти вопросы, они не нравятся ни мне, ни твоему дедушке. То, что тебе надо знать, ты знаешь или узнаешь, когда придёт время.

Браслет этот, как однажды обмолвилась мама, входил в любимый бабушкин гарнитур, можно сказать, её приданое. У неё было несколько украшений из обсидиана, с такими вот письменами, но, уходя, она забрала всё с собой, оставив на память о себе только браслет. С ним была связана какая-то очень таинственная история, чудом не стоившая дедушке жизни.

Когда я поступила на первый курс института, нам неожиданно позвонил старый дедушкин друг и коллега, которого я всегда звала дядей Гришей. Он до сих пор, хотя ему было уже под семьдесят, разъезжал по всему свету в поисках разных раритетных вещей, и его коллекция была ещё богаче, чем дедушкина. И в тот раз он вернулся из Египта, где дяде Грише, по его словам, удалось найти некое украшение, по поводу которого он

хотел поговорить с дедушкой, так как с этой находкой была связана какая-то странность...

Он приехал вечером и привёз ожерелье — такое же, как дедушкин браслет, собранное из мелких камешков обсидиана, точно так же обработанных, с такими же насечками. Дедушка хотел меня выставить из своего кабинета, но дядя Гриша с улыбкой остановил меня.

— Пусть девочка останется, если ей это интересно. Вещица и в самом деле удивительная и даже уникальная. И я, собственно, хотел бы у тебя узнать... Может, ты найдёшь какое-нибудь объяснение тому, что я никак не могу понять, как ни стараюсь?

Обрадованная неожиданным и таким приятным для меня разрешением, я придвинула свой стул поближе к креслу, в которое сел наш гость, и приготовилась слушать удивительную историю, благо, наш друг всегда умел и любил рассказывать.

В Египте дядя Гриша был знаком с одним учёным, который, подобно всем археологам и историкам, любил собирать разные древности. И вот однажды, находясь в качестве консультанта в составе экспедиции в Долине Царей, профессор Абу-Менир нашёл одну такую вещицу, которая поставила его в тупик. Это было ожерелье из чёрных камней, созданное в древности, когда

Древний Египет был ещё очень молод, при первых фараонах. Кто создал — неизвестно, может, египтяне, может, они попали в Египет из Шумера или Ура, но найдены они были именно в Египте, при раскопках в Долине Царей. Сами египтяне пришли в какое-то неменяемое состояние, когда увидели ожерелье. По словам египтян, оно происходило из иного мира, куда уходят люди с тем, чтобы либо не вернуться вовсе, либо вернуться чрезвычайно странными. Не сумасшедшими, как говорят египтяне — именно «чрезвычайно странными». Профессор пытался выяснить у них, в чём состояли эти странности, но все расспросы были тщетны. Он только заметил, что арабы были счастливы, когда учёный решил взять с собой эти камни, но посоветовали ему выбросить украшение в море.

— Ни в коем случае не оставляйте у себя! Не надевайте сами и не позволяйте это делать другим — ожерелье будет стремиться вернуться назад, в свой мир!

Это была одна странность. Так говорили абсолютно все египтяне, к которым обращались археологи. Все туземцы были смертельно напуганы одним видом этого украшения, хотя с виду оно очень красивое и довольно необычное для тех времён, когда, предположительно, было создано.

Ещё одна странность выявилась, когда профессор решил посмотреть, что представляют из себя золотые насечки на камешках. И оказалось, что там наличествуют не только египетские письмена, но и руны древних викингов и знаки из письменности индейских племён! Хотя и индейская письменность и руническое письмо возникли позже египетского и на большом расстоянии от страны древних фараонов! А все насечки были нанесены в одно и то же время!

Некоторое время профессор хранил у себя это ожерелье, но потом, встретившись с дядей Гришей, под воздействием какого-то импульса решил отдать украшение ему.

— Когда я его увидел, то затрясся, — дедушкин друг рассказывал всё это с каким-то странным лицом. Я хорошо знала дядю Гришу, знала и любила, до своего отъезда в Египет он жил совсем рядом и мы постоянно ходили к нему в гости или он приходил к нам. Я видела его и весёлым, и расстроенным, но такого выражения лица я не видела никогда, оно было... обрадовано-озадаченным. — Ты ведь понимаешь, дружище, это же то самое... Я и не надеялся никогда его увидеть, думал, оно пропало навсегда... и вдруг оказывается, что его нашли в Долине Царей, в Египте... Как оно туда попало?

— Я ничего об этом не знаю! Откуда? — отрезал дедушка. — Будь другом, забери ты у меня этот браслет! Я чувствую, что добром это не кончится, он сводит меня с ума...

Меня этот разговор очень удивил. Ожерелье было точно таким же, как браслет, можно сказать, его увеличенной копией. Я несколько не сомневалась, что это тоже часть бабушкиного гарнитура — хотя как тогда украшение могло попасть в Долину Царей? Obsидиановый гарнитура всегда был на бабушке, по крайней мере, дедушка всегда говорил, что Элен, в честь которой я получила своё имя, не расставалась с ним с малолетства. И вот — почему-то этот гарнитура оказался разделенным, браслет — в нашей семье, ожерелье — у дяди Гриши, и почему-то один старик пытается расспросить другого о том, что оба должны прекрасно знать — или не должны знать вовсе, о чём оба прекрасно знают? И — почему бабушкин любимый браслет, который так давно берегается в нашей семье, хранится в полной тайне и внушает дедушке такой ужас, что он мечтает от него избавиться? Всё это очень странно, но тогда я не находила этому объяснения.

— Нет, нет и нет. Мне почему-то кажется, что их ни в коем случае нельзя сводить вместе — браслет и ожерелье, иначе может произойти... что-то может произойти. Так что я могу только

обменять ожерелье на браслет. Сейчас не время их объединять, я это чувствую. Должна быть ещё одна деталь, как минимум, одна, после чего всё станет на свои места. Ты знаешь, сколько времени я бьюсь над этой загадкой, сейчас близок к её разрешению, как никогда... Со временем я, возможно, попрошу у тебя этот браслет, но только когда все остальные детали этой головоломки будут на своих местах.

Через какое-то время я собралась ехать на каникулы в Мексику. Дедушка в своё время так интересно рассказывал о тамошних красотах, пирамидах древних индейских племён, что мне очень захотелось увидеть всё это своими глазами. Мама пыталась меня отговаривать от этой поездки, по её глазам было видно, что одна мысль о моём путешествии внушает ей тревогу, которую она сама не могла объяснить, но я стояла на своём. Но буквально за несколько дней до моего предполагаемого вылета, когда уже был заказан билет на самолёт, выяснилось, что все рейсы в Центральную и Южную Америку отменяются, там какая-то эпидемия, и ехать туда нельзя категорически, эта поездка может и в самом деле стать смертельной! Я очень расстроилась, но дедушка всячески пытался меня приободрить.

— Может, в Египет съездишь? — спросил он. — Признаться, я даже рад, что так получилось.

Оказалось, ему срочно надо передать какую-то вещь дяде Грише, который надолго уехал в Египет.

Накануне вечером он позвонил дедушке, они долго что-то с ним обсуждали, причём дедушка то хмурился, то улыбался, но наконец пришёл в хорошее настроение и сказал, что постарается выполнить просьбу своего друга. Поздравил с какой-то победой и выразил надежду, что тайна скоро перестанет быть тайной.

Поэтому мне придётся ему помочь, тем более, что история Египта ещё более древняя, чем мексиканская и египетские пирамиды тоже очень красивы. Я согласилась — в Египет тоже очень хотелось. Это, в частности, была неплохая языковая практика — я всегда увлекалась языками и свободно владела несколькими.

А теперь мне представлялась возможность пообщаться с египтянами. Я арабским владела почти свободно, по крайней мере, в музеях мне гиды-переводчики не нужны. Я заранее решила, что не стану беспокоить дядю Гришу, хотя он, когда звонил или писал из Асуана, расхваливал свою квартиру и выражал готовность разместить в ней «хоть целый полк».

Дедушка сам отвёз меня в аэропорт, и на прощание вручил небольшую коробочку. Я открыла её и увидела внутри шкатулочку — маленькую,

явно старинную, чрезвычайно искусно вырезанную из кости. Я никогда прежде не видела у него ничего подобного и хотела открыть и её, но дедуля остановил меня.

— Не делай этого. Это очень важно. Ты не должна открывать шкатулку и отдай её Грише так, как есть. Он знает, что с ней делать. Но — ни в коем случае не открывай, иначе...

Он не договорил, было видно, что ему нелегко дался и этот разговор, после этого дедушка резко развернулся и быстро пошёл к выходу. Я хотела спросить, что его беспокоит, но он уже смешался с толпой, а меня стали поторапливать с посадкой.

...Я заняла свое место в салоне самолёта, вертя в руках шкатулку. И что тут такого страшного? Что означали эти странные слова дедушки?

— Разрешите посмотреть? — когда мы уже летели, я обратила внимание на своих соседей, это были пожилая молодящаяся женщина и очень худой молодой человек с каким-то странным, отстранённым взглядом. Заговорила со мной дама. Она чрезвычайно бесцеремонно выхватила у меня из рук шкатулку, хозяйским жестом открыла её, и, заглянув туда, тут же её захлопнула, при этом она как-то странно оцепенела, её глаза вылезли из орбит, Проходившая мимо стюардесса предложила ей воды, но женщина, швырнув мне шкатулку,

посмотрела на меня с непонятым ужасом, Затем она перелезла через молодого человека, и, бормоча что-то себе под нос, стремительно унеслась куда-то в сторону пилотской кабины. Её реакция на содержимое шкатулки крайне озадачила меня Я снова взяла шкатулку и вновь стала внимательно её осматривать — что же в ней такое? И не повредила ли её случайно эта истеричка? При этом я сделала неловкое движение, и шкатулка открылась...

Там лежал браслет. Тот самый браслет, который я видела у дедушки, и которого по непонятной мне причине дедушка так боялся. Но почему его так испугалась дама?

— Красивая вещица, — молодой человек воспользовался случаем и пересел на освободившееся место. — Обсидиан, и не современной обработки, я в таких вещах разбираюсь, — сказал он с видом искушённого знатока. — Послушайте, если Вы захотите его продать, то у меня есть очень хороший знакомый коллекционер, который собирает такого рода украшения. Он весьма состоятельный человек, и я думаю, что он даст Вам за этот браслет приличную цену... Не хотите? Понимаю, — вздохнул он. — Но, может, вы хотя бы позвольте мне полюбоваться браслетом на вашей ручке? — он тоже, как и моя уже бывшая соседка, не разводил церемоний и, не дав мне опомниться, надел браслет мне на руку. Тут

же нанесённые на камешки письмена вспыхнули и стали переливаться самыми разными цветами, золото, серебро, зелёный, синий... При этом зрелище мой сосед внезапно изменился в лице, оно отразило тот же ужас, что и у женщины, и он тоже исчез, правда, сделал это без лишнего шума и максимально незаметно. Я лишь недоумённо пожала плечами и хотела снять украшение. Не тут-то было! Оно словно приросло к моей руке! Я перепугалась — как я теперь смогу оправдаться перед бабушкой, как ему объяснить, что моей вины в том, что произошло, нет? Почему со мной всё происходит не так, как со всеми людьми, почему я всегда влипаю во всевозможные истории?!

...В каирском аэропорту, меня должен был встречать дядя Гриша, но его там не было. Я не знала, что и подумать об этом, потому что всем была известна его исключительная пунктуальность. Я попыталась дозвониться до него, но всё было тщетно — ни один его телефон не отвечал. Вконец встревоженная и, чувствуя, что произошло что-то неладное, я поехала в отель.

За обедом я познакомилась с несколькими русскими, которые также приехали в Египет по путёвке, и они приняли меня в свою компанию. С ними я поехала по разным городам — причём Долину Царей и пирамиды было решено оставить

на потом. Были мы в музеях, и тут сказались ещё одна странность моей натуры.

Я совершенно недисциплинированный экскурсант. Всякий раз, когда мы идём с группой в музей, все идут в одну сторону, я в другую. Гид рассказывает об одном экспонате, я рассматриваю другой. Вот и здесь все пошли направо, в древний Египет, осматривать какие-то мумии, я же пошла налево и попала в зал, где была экспозиция, повествующая о наполеоновских войнах. Потом все пришли осматривать эту экспозицию, а я отправилась к мумиям. Только на выходе я присоединилась к группе...

Через неделю после моего прибытия в Египет, я наконец добралась до Асуана, где жил дядя Гриша и которому я должна была отдать браслет. Правда, он по-прежнему ни в какую не желал сниматься с моей руки, как я ни старалась его содрать. Оставалась надежда, что дяде Грише известна тайна застёжки, и он легко поможет моей беде.

Время моего пребывания в Египте подходило к концу, и я решила по дороге к дяде Грише купить сувениры и подарки своим близким и друзьям. Местный базар, как и все восточные базары, встретил меня нестройным разноязычным хором. Утомленные жарким египетским солнцем туристы неспеша прогуливались вдоль красочных рядов

выставленных для продажи всевозможных товаров. Тонкие, экзотические и томительно волнующие ароматы восточных благовоний причудливо смешивались с запахами ароматного кофе, пряностей, тушеных бобов и жарящегося на открытом огне мяса. Немного побродив по базару, я купила лёгкий пробковый шлем для дедушки — тот постоянно жаловался, что нет у него подходящего головного убора для долгих экспедиций в жарких странах, для мамы — цветастый платок, агатовые бусы и такие же браслеты с египетской символикой. Как меня уверил продавец, это магические обереги, защищающие от всевозможной порчи и сглазов, над ними поработали самые настоящие потомственные маги — как белые, так и чёрные. В магию я не верила, но они показались мне красивыми, и — это был неплохой образец египетского народного творчества. Маме они должны понравиться.

Когда я зашла в небольшую ювелирную лавку, где продавали самые разные вещицы из золота, серебра, бронзы, среди всего прочего я заметила крупную и очень красивую брошь в виде жука-скарабея. Он был просто изумительной красоты, причём я даже не поняла, из чего он сделан. На прилавке жук казался выполненным из чёрного серебра, но когда седовласый торговец взял его, чтобы переложить в другое место, вспыхнул золотом. Глазки насекомого были из

бирюзы, надкрылья украшены россыпью мелких камешков небесной голубизны, а в лапках скарабей держал маленькое солнце!

Заметив эту сказочную красоту, я вышла наружу, стараясь унять дрожь и одновременно прикидывая, сколько это может стоить и как много у меня денег. Конечно, деньги у меня были, но мне надо было приобрести ещё сувениры для друзей, мне предстояла поездка к дяде Грише, который всё никак не отвечал на мои звонки... Нет, я не могла себе позволить слишком крупные траты, но, может, удастся поторговаться, сбить цену?

Я вернулась в лавку и стала осматривать другие предметы — вазочки, кулоны в виде пирамидок, крестов причудливой формы, браслеты, с нанесёнными на них египетскими иероглифами или фресками. Один кулон-пирамидку из бронзы я даже решила купить, она была очень симпатичная и стоила совсем дёшево. А потом, подойдя к прилавку, я как бы ненароком поинтересовалась стоимостью брошей, вот, к примеру, этого жука.

Торговец назвал свою цену, как я и боялась, довольно высокую.

— Это весьма оригинальная работа, — сказал он. — Несовременная, ничего подобного вы нигде не найдёте.

— Он что, из чистого золота? — я изобразила удивление. — А вот у соседней броши я вижу

ценник, тоже из чернёного серебра, да ещё и с агатом, но стоит значительно дешевле.

— Эту брошь я сделал сам, всего несколько дней назад, а это, — старик опять взял в руки интересующее меня украшение, — очень древнее. Не стану утверждать, что его носили фараоны, но этому скарабею уже много веков.

Я из последних сил сражалась со своим сердцебиением, но теперь, когда брошь опять предстала передо мной во всей своей красе, эта битва была обречена на провал. Тем не менее, мне удалось купить вожеленного жука за меньшую сумму, я сразу приколола брошь к воротнику, на всякий случай — со внутренней стороны — не приведи господи, украдут такое сокровище!

Отсюда я перебралась в соседнюю лавку колониальных товаров. Собственно, я даже не хотела сюда заходить, а собиралась вернуться в гостиницу, но вокруг было столько людей, что они буквально затолкали меня в этот магазинчик.

Я огляделась. Чего только здесь не было! Одежда и оружие — самые разные, как бурнусы или как они там называются бедуинов, так и костюмы европейских колонизаторов, мундиры наполеоновских армий, ружья разных калибров, в углу пылился мушкет. Колониальная мебель, украшенная резьбой местных мастеров, слоновьи бивни, рога буйволов, шкуры...

Продавец — высокий худощавый преклонных лет мужчина, что-то обсуждал с арабом, выразившим желание приобрести одно из английских ружей, а я стала рассматривать фотографии на стенах и в отдельных витринах. Они не продавались, а служили скорее украшением лавки, я же всегда интересовалась старинными фотографиями, некоторые из этих даже пожелтели от времени, на некоторых было почти невозможно разобрать, что на них изображено.

Перед одной из витрин я встала, как вкопанная. Там лежали фотографии и предметы, относящиеся к экспедиции в долину, где были открыты две пирамиды, это открытие заставило учёных пересмотреть всё, что они знали о временах первых фараонов, до того удивительной была эта находка. Я видела несколько фотографий и три книги, одна из них была дедушкина. «Неизведанное царство», написанное им в соавторстве с ведущим английским археологом Роджером Хоуни. В кабинете на письменном столе стояла выцветшая от времени фотография, в которой он был заснят среди прочих участников данной экспедиции. На этой фотографии дедушка стоял на втором плане, перед ним сидели трое или четверо работников с лопатами в руках, а рядом с дедушкой — красивый представительный мужчина, который положил одну

руку ему (дедушке) на плечо, в другой руке у него было то ли ружьё, то ли винтовка.

«Это очень известный человек, — сказал дедушка, когда я, будучи ребёнком, ткнула пальцем в этого мужчину — Светило археологии. Кажется, происходит из знатного рода, хотя это не афиширует. Когда-то мы совершенно случайно оказались в одной интереснейшей экспедиции. Результатом нашей дружбы и плодотворной совместной деятельностью явилось написание нами в соавторстве нескольких книг».

И вот, я увидела эту же фотографию под стеклом витрины колониальной лавки. Я не могла ошибиться, слишком часто я видела её дома. А рядом лежали фотографии отдельно снятых участников, в том числе и дедушкина. И книга.

— Что вас интересует, мисс? Только это не продаётся, — подошёл ко мне продавец. Я оглянулась и увидела, что это тот самый мистер Хоуни, о котором рассказывал дедушка. Правда, он постарел, волосы стали совсем седыми, но всё равно я его сразу узнала. Он очень удивился, но обрадовался, когда узнал, откуда я о нём знаю. — Я помню вашего дедушку. Жаль, очень жаль, что мы давно не виделись, в последние годы только переписывались, но в той экспедиции мы с ним стали очень хорошими друзьями.

Мы ещё долго болтали, мистер Хоуни закрыл лавку, угостил меня кофе и предался воспоминаниям о прошлом. Я высказала своё удивление тому, что столь знаменитый археолог вдруг стал лавочником, но он объяснил, что пишет книгу, для которой ему необходимо как можно глубже погрузиться в местный колорит и быт торговцев.

Когда я уже собиралась уходить, мистер Хоуни вдруг что-то вспомнил.

— Подождите, Элен, — сказал он. — Я тут должен был кое-что передать вашему дедушке, но, к сожалению, всё не представлялось возможности, это может оказаться очень интересным для него, — он достал тонкую папку, в которой оказался тонкий лист папируса, покрытый иероглифами.

Попрощавшись с мистером Хоуни, я отправилась к дяде Грише.

Но, когда я пришла по адресу, который мне дал дедушка, дверь мне открыла незнакомая женщина-египтянка, в траурном наряде, от которой я узнала, что Григор-эффенди исчез полторы недели тому назад.

— Уехал смотреть пирамиды и не вернулся, — сказала она. — Я говорила... Я предупреждала его, но...

Тут её взгляд упал на мою руку и на мой браслет, который я никак не могла снять, и лицо

женщины искажилось. Это было выражение, как у всех кто видел мой браслет, совершенно непонятного для меня ужаса! Её трясло, как в лихорадке, она побледнела, зашаталась. Она схватилась за притолоку, даже не замечая, что тем самым заперла меня в прихожей. Я отстранила её, прошла на кухню и налила египтянке воды, но та оттолкнула стакан с такой силой, что тот упал на пол и разбился. Женщина — как я поняла, она помогала дяде по хозяйству и присматривала за квартирой в его отсутствие, ругалась на каком-то диалекте, смотрела на меня не то с испугом, не то со злобой. Я решила, что она сумасшедшая, и стала отступать к выходу, но припадок закончился также внезапно, как и начался.

— Подождите, — сказала она уже по-арабски, ушла куда-то и через минуту и вернулась с ларцом, похожим на тот, в котором прежде лежало моё украшение. — Если Вы... То возьмите это и унесите подальше отсюда. Чтобы это никогда больше не вернулось сюда!

С этими словами она буквально выставила меня за дверь, и я услышала, как женщина изнутри запирается на многочисленные замки. Я ничего не понимала. В шкатулке обнаружилось ожерелье и ещё кольцо, обсидиановое с закорючками. Теперь не было только серёжек — из тех украшений, которые я видела на бабушкином портрете.

...Я возвращалась в гостиницу, пребывая не в самом лучшем настроении. Ещё издали я увидела экскурсионный автобус, который стоял напротив моего отеля. Увидев меня, столпившиеся около автобуса люди, замахали мне руками. До меня не сразу дошла причина столь бурной реакции при появлении моей скромной персоны. Но уже в следующий момент я вспомнила, что накануне я записалась на двухдневную экскурсию. Чертыхаясь и проклиная свою крайнюю рассеянность, я прибавила шаг. Как оказалось, жаждущие получить незабываемые впечатления от созерцания местных достопримечательностей ждали меня уже достаточно долго, и поэтому я, не заходя в отель, брэнча купленными сувенирами в своём рюкзаке, нырнула в салон автобуса, чувствуя на себе укоризненные взгляды.

Из окна я разглядывала проплывающие пейзажи. По одну сторону расстилался океан жёлтых песков, без конца и края, безмолвный и безлюдный, ни единой травинки, ни малейших признаков жизни... По другую сторону раскинулся египетский рай — зелёная равнина с островами пальм. До пирамид оставался ещё час езды, но их очертания уже вставали над вершинами пальм. Они словно парят, и кажется, что это воздушные видения...

Наконец автобус остановился недалеко от пирамиды Хеопса и мы вышли наружу. Экскурсовод теперь рассказывал о ней, но я почти ничего не запомнила. На меня эта пирамида произвела впечатление огромной, даже гигантской горы, с безукоризненными правильными очертаниями, воздвигнутой самой природой в честь забытого египетского монарха...

Но прежде, чем идти в пирамиду, кто-то предложил нанести визит одному из её соседей, и все присоединились к этому решению, так как иначе после посещения царской усыпальницы мы могли не уделить должного внимания чему бы то, ни было ещё.

Я так много слышала о таинственном, могучем, мудром Сфинксе от бабушки — и вот, наконец, он передо мной. Я долго вглядывалась в его черты, они показались мне строгими и печальными. Весь его облик исполнен такого достоинства и величия, которого, кажется, не встретишь на нашей земле, и в то же время — такой доброты, которой я никогда не видела на человеческом лице. Конечно, умом я понимала, что это просто камень, но мне казалось, что эта безмолвная, мёртвая статуя всё прекрасно чувствует и мыслит. Как замороженная я стояла перед Сфинксом и не могла отвести глаз от его

лица. Мне показалось, что взгляд исполина устремлён вдаль и он глядит в ничто, в пустоту. Казалось, он глядит поверх всего настоящего в прошлое... а может быть, и в будущее...

...Как часто впоследствии я вспоминала этот образ и ощущение тайны, которой окутано его прошлое. Сейчас я думаю, что всё, что впоследствии со мной произошло, каким-то образом связано со Сфинксом, но тогда я, конечно, не могла этого знать.

Перекусив в тени пирамид, мы отправились осматривать уже пирамиду Хеопса. Опять гид рассказывал нам интересные истории и легенды, которые так или иначе связаны либо с правлением данного фараона, или с этой пирамидой, рассказывал и о других гробницах — существующих и тех, которые учёным ещё только предстоит раскопать в будущем. Один рассказ сменялся другим, многие я не помню, но одна легенда всё же отложилась в моей памяти...

...Где-то посреди пустыни, как говорят бедуины, есть ещё одна пирамида, абсолютно никому не известная, кроме бедуинов, которые только знают о её существовании, но сами никогда туда не ходят. Вообще, район, где, по рассказам, расположена эта самая пирамида, считается проклятым — иногда туда ходят люди — учёные,

просто туристы... и исчезают. Бесследно. Большой частью навсегда, лишь однажды вернулся какой-то тип, совершенно свихнувшийся, а потом опять исчез.

После этого исчезла и я — свернула не в тот коридор, долго бродила... Осознала, что вот-вот заблужусь и скоро здесь появится ещё одна мумия, стала возвращаться, и обнаружила нескольких своих новых знакомых, обступивших высокого мрачного бедуина, который чем-то был крайне недоволен.

— Элен! — замахала руками Рита, с которой мы в этой поездке довольно близко познакомились — насколько это было возможно между девушками, которые узнали о существовании друг друга только две недели тому назад. — Иди сюда! Мы тут уговорили местного абрека свозить нас в ту проклятую долину, где есть ещё одна пирамида. Только он говорит, что это не совсем пирамида.

Бедуин что-то забормотал, я прилично знала арабский и смогла перевести.

— Пирамида, но её называют Проклятыми Вратами. Говорят, что она поглощает людей, отправляя их в вечное рабство Сету или ещё кому-то из древнеегипетских бесов. Он говорит, что ничем хорошим эта поездка не закончится, но ему действительно очень нужны эти деньги, иначе никогда бы не согласился.

— Глупости это, конечно, всё это проклятье, — фыркнул Риткин муж.

Ехали мы долго. Как нам объяснили, проклятое место находилось далеко от долины пирамид, поэтому на месте мы будем только утром. Вечером мы въехали в другую местность. Дороги, как таковой, здесь не было и, можно сказать, мы были уже на проклятой территории, здесь никто не ходил, но в собственно Проклятую долину мы должны были попасть утром. Но тут... можно сказать, я накликала.

Мы въехали в довольно живописное ущелье. Именно ущелье. По обе стороны «дороги», по которой мы ехали, высились огромные песчаные горы, которыми я невольно залюбовалась, и мне невольно захотелось здесь остановиться...

Ох, как не вовремя! Захотелось — и тут же старенький автобус стал, как вкопанный, откуда-то снизу запахло... очень нехорошо. Водитель-бедуин заохал, запричитал. Пришлось выйти и ночевать под открытым небом. Кто умел, а кто и нет. Я, к примеру, промучилась до самого утра.

Утро было не по-местному туманное и солнца не было видно. Тем не менее, пока бедуин с помощью двух молодых людей пытался что-то сделать с двигателем, я решила прогуляться. Взяла, на всякий случай, свой рюкзак, напялила шлем и поплелась осматриваться, собирать красивые

камушки, которых и так были полны карманы. Я гуляла туда, сюда, камней набрала столько, что пришлось остановиться — походка у меня стала гремящей, и пришлось переложить добычу в рюкзак, благо, там нашлось место, после чего я решила уgomониться.

Отдыхала я с видом на маленький чёрный круглый камешек, вросший в землю. Он казался мне просто потрясающим, казалось, по нему то бегают разноцветные искорки, то сходятся-расходятся круги. Я пыталась выковырять его из грунта, но мне это никак не удавалось, а так хотелось... Тогда я насилу заставила себя отойти от него, но потом вернулась и снова попыталась, и с тем же результатом.

И вот, когда я, подавив тяжёлый вздох, решила выбираться обратно к автобусу, тем более, что он явно ожил и сигналил, взошло солнце. При свете я увидела небольшую гибкую тень чуть в стороне. Глянув туда, я увидела очаровательную чёрную кошку с изумрудными глазами. Она не сводила с меня глаз, зрачки которых то сужались, то расширялись, потом зверёк стал подкрадываться ко мне. Меня это обрадовало, правда, я ещё не знала её намерений, прежде кошки не очень охотно ко мне шли, если только у них не возникало желания поцарапаться. Мои ноги почему-то казались им очень подходящими столбиками для

стачивания коготков. Но, не доходя до меня всего нескольких шагов, кошка легла на землю, не сводя с меня своих чудных глаз. Я видела многих зеленоглазых кошек, но только у этой глаза были настолько похожи на изумруд с вкраплением того же обсидиана в самой серединке. Это было удивительно красиво.

— Иди ко мне, моя хорошая, — я стала подбадривать её, жалея, что отложила рюкзак в сторону, там у меня было немного колбаски. Сейчас я боялась сделать шаг в сторону, чтобы не испугнуть кошку, хотя что-то мне подсказывало, что она никуда не уйдёт. Я её чем-то привлекаю, и отнюдь не в качестве когтеточки, и это было очень приятно. Но почему она не идёт — она ведь явно хочет ко мне? Ещё немного — и я смогла бы дотянуться до неё рукой... Но я боялась сдвинуться с места и только любовалась зверьком.

— Мяу! — жалобно ответила кошка и мотнула головкой, словно говоря: нет, это ты иди ко мне. Так мы и сидели, ожидая, когда одна из нас сделает первый шаг к сближению. Её глаза становились всё более грустными, печальными, казалось, ещё чуть-чуть — и она заплачет — человеческими слезами, я тоже готова была заплакать. Нас обеих что-то притягивало, но в то же самое время что-то останавливало от дальнейшего сближения.

В конце концов, кошка издала жалобный протяжный вздох и медленно пошла в обратную сторону, то и дело оглядываясь через плечо на меня: вдруг я передумала? Я как зомби покорно пошла за ней. Автобус уже давно сигналил, меня звали, окликали, но для меня сейчас почему-то существовала только эта чёрная тощая бестия... Она словно приворожила меня...

Вскоре мы обе оказались в непосредственной близости от того камня, который я тогда не смогла поднять. Кошка подошла к нему, села и опять стала смотреть на меня, жалобно мяукая и нетерпеливо перебирая передними лапками, и с каждым моим шагом в её направлении она всё больше успокаивалась, и блеск её изумрудов-глаз становился все более ярким.

Я подошла к камню — она не стала от него отходить, вскочила и стала танцевать на месте — весьма и весьма изящно, элегантно. Потом выгнула спинку, и стала тереться о мои ноги, нежно мурлыча. Я протянула руку и погладила её — у кошки оказалась очень мягкая шёрстка. Я взяла её на руки и прижала к себе.

В этот момент солнце добралось до этого ущелья. Осветило камень... и он ожил. Стал расти, искриться. Теперь я убедилась, что мне это вовсе не показалось, по нему и в самом деле бегали искры —

то отдельные, то образуя воронку. Я протянула руку и коснулась камня...

... и тут же у меня возникло ощущение полёта. Полёта в неизвестность. И не только ощущение. Я увидела, что каким-то образом попала в огромную тёмную искрящуюся воронку и по ней лечу, лечу, лечу... И конца этому полёту не видно... Я невольно вспомнила Алису из Страны Чудес, но мой полёт был куда более таинственен... и страшен... Я не знала, что со мной происходит, куда я лечу, но догадывалась, что ничего хорошего там, куда я прилечу, меня не ожидает.

Глава вторая

...И вот, я сидела, потирая коленку и озираясь по сторонам. Место было совершенно не похоже на то, откуда я прилетела. Буквально свалилась на этот камень, ударившись об него рюкзаком, потом — на землю, ссадив колено и чуть не потеряв солнцезащитные очки и шлем. Вокруг была местность, прямо скажем, не самая дружеская. Вместо песчаных скал — каменные, выщербленные, с множеством провалов, из некоторых на меня смотрели чьи-то хищные глаза, и я слышала отдалённый, но жутковатый вой. Кто выл, я не знала, но мороз пробежал по коже. Я хотела бежать, но нога болела довольно сильно, я

смогла сделать только несколько шагов и снова села.

— Нет, мамочка была права, какая я Элен? Варвара самая настоящая, такое могло приключиться исключительно с Варварой и больше и с кем другим!

Над головой проплыла тень. Взглянув наверх, я увидела там неких существ. Похожих на летучих мышей, но очень больших размеров и я была уверена, что это вовсе не летучие мыши. Оттуда тоже доносились жутковатые звуки... я окаменела. А тут ещё раздалось ржание и топот копыт. Какое-то, наверное, даже не шестое, а седьмое, а то и восьмое чувство подсказало мне, что лучше с тем, кто едет на коне, не встречаться.

— Не стой! Беги!

Откуда ни возьмись, появился молодой человек, лет примерно двадцати пяти, довольно красивый, в сильно изношенном бело-голубом мундире. Этот мундир что-то мне напоминал, но что именно — я не могла понять. А он ещё довольно грубо и бесцеремонно схватил меня за руку и поволок, ничего не объясняя. Впрочем, я и сама понимала, что следует держаться как можно дальше и от тех жутких пещер, и от «нетопырей», кем бы они ни были. Единственное — я таки вырвала у него руку, вернулась за рюкзаком, который слетел при падении, подхватила его и

сидящую около него кошку и припустила за парнем. Конечно, я не знала, кто он такой, но подозревала, что — местный житель, а потому знает эту местность и выведет к людям. А там уж мне помогут. Если не вернут назад, то, по крайней мере, объяснят, куда я попала и почему.

— Скорей, скорей, скорей! — бормотал он. — Эх, почему здесь нет Этельреда? Было бы куда проще и быстрее. Почему я артиллерист, а не кавалерист, сколько бы проблем решилось... Стоп!

Он остановился, не отпуская моей руки, так резко, что я упала на колени и взвыла от боли. Не обращая на меня внимания, незнакомец начертил палочкой прямо на грунте загадочный знак и провёл черту, после чего вздохнул с явным облегчением и повернулся ко мне.

Теперь я могла рассмотреть его получше.

Это был красивый молодой человек, с узким лицом, заключённым в рамку вьющихся каштановых волос. На нём, как я говорила, был потрёпанный бело-голубой мундир, у пояса висела шпага, а за спиной я увидела арбалет. Это меня удивило: кажется, такому молодцу больше соответствовала бы хорошая винтовка, а не такое допотопное оружие. Я даже подумала, что, если это такая игра, где участники разыгрывают сцены из разных исторических эпох, солдата наполеоновской армии следовало вооружить ружьём, а не

арбалетом. Ну, если даже если не нашли ружья, современного Бонапартовским войнам, то даже винтовка смотрелась бы более уместно. Не зацкливая внимания на моей изумлённой физиономии, незнакомец махнул рукой — иди за мной — и мы двинулись дальше.

— Ты новенький, — он не спрашивал, а утверждал. — И, понятно, ничего не понимаешь. Думаешь, что спишь или сошёл с ума. Я тоже так думал, когда сюда попал, но — увы! — это не так. Очень скоро ты в этом убедишься.

— А где мы? Где это — «здесь»? Я ничего не понимаю, — пожаловалась я. — И вы всегда на ты с незнакомыми девушками? — спросила я. Впрочем, как ни странно, но я была отнюдь не против такого простого обращения. Я чуть приподняла свой пробковый шлем, чтобы он мог увидеть, что волосы мои явно слишком длинные для мужчины, но скреплены заколкой. Юноша смутился, но ненадолго и снова заговорил, хотя и более мягким тоном.

— Здесь так принято. И так значительно проще. Мы обращаемся на «Вы» только к монархам, Высшим, и то не все и не ко всем. Меня зовут Франсуа. Я живу здесь уже пять лет. Это очень мало, и я тоже не всё знаю, хотя и куда больше, чем ты. Как ты сюда попала? И из когда?

— В смысле — из когда?

— Как ты думаешь, какой сейчас хотя бы год?

Я уставилась на него. Он что — сумасшедший? Не знает даже года?! Я назвала, он рассмеялся.

— Нет, нет, и нет. Здесь сейчас девятнадцатое карода 34623 года — по местному исчислению. И это — не Египет. Эта местность носит название Забытые Башни. Раньше здесь и в самом деле были башни, но время и другие обстоятельства уничтожили их. Там, — он махнул рукой вперёд, где виднелся густой зелёный лес, — Ваотанская чаща. Вернее, её называют чащей, но это далеко не самый большой и даже густой местный лес. Но я надеюсь, что нам удастся его миновать.

— А как мне вернуться назад?

— Никак. Ты никогда не вернёшься домой.

— Что?!

Потрясённая его словами, я почувствовала, как внутри у меня что-то неприятно ухнуло вниз, а ноги стали ватными.

— Этот мир так просто не отпускает тех, кто сюда попал, — сказал он с неопишуемой тоской в голосе. — Иначе я давным-давно вернулся бы домой, в Париж... к семье... Да, жестоко мстит мне проклятый сфинкс!.. если это он...

— Причём здесь сфинкс?... — Впрочем, если мой сон был навеян простым камешком и встречей с чёрной кошкой, то почему бы впечатлительному

молодому человеку не могло привидеться ничего необычного после встречи с самим Мистером Таинственность? Конечно, на меня сфинкс тоже произвёл впечатление, но не такое, как на моего нового знакомого, если судить по его словам.

Тут нам пришлось прервать разговор: снова раздалось цоканье копыт. Франсуа толкнул меня за какой-то камень, а сам сорвал с плеча арбалет, молниеносно его зарядил и вскинул. Но тут, же опустил и засмеялся.

— Выходи, это друг.

Выйдя, я невольно восхищённо ахнула.

Этот друг оказался рыцарем. Настоящим рыцарем, в самых настоящих рыцарских доспехах, единственно, я представляла их себе куда более габаритными и тяжёлыми, эти же не были лишены даже элегантности. Собственно говоря, доспехи состояли из кольчуги — серебряной, поверх которой была надета золотая кираса, а уже на самой кирасе был алый крест. Крест красовался и на треугольном золотом щите и на золотом флажке, укреплённом на длинном копье. Ноги незнакомца были тоже в штанах или чулках из металлических звеньев, не хватало для полноты картины только шлема. Рыцарь был с непокрытой головой, и я видела, что он несколько старше Франсуа, хотя едва ли достиг сорока лет, с русыми волосами до плеч, на лбу они были подняты алой лентой, голубые

глаза смотрели на нас насмешливо из-под песочного цвета бровей. Орлиный нос, язвительные очертания губ и чуть угловатый подбородок невольно внушали желание держаться чуть в стороне. Не говоря уже о том, что при рыцаре были не только щит и копье, но и довольно длинный меч, а его лошадь...

Это была не лошадь. Это был единорог. Ростом с обычную лошадь, строением больше напоминал антилопу, с довольно длинным рогом посреди лба. Масти он был белоснежной, а грива и хвост были из огня! Я села на камень и затрясла головой, стараясь отогнать наваждение, но безрезультатно.

— Это Этельред, — представил мне рыцаря Франсуа. — Что, не верится? Когда-то я тоже считал всё это, — он взмахнул рукой, указывая на окружающий мир, — сном, тяжёлым сном, кошмаром, ибо мне повезло меньше, чем тебе пока не встретился с ним. Райш — так называются здесь огненные рогатые лошадки — мигом убедил меня в том, что это — увы! — не сон и не плод большого воображения. Привет, Элрик, как дела? — это относилось уже к мальчику лет двенадцати, который сидел на муле и держал в поводу крупного коня, обвешанного тюками и оружием. В ответ мальчишка показал белоснежные зубы, соскочил с мула, подошёл ко мне и внезапно сорвал с моей

головы шлем. Я почувствовала, что заколка, сдерживавшая мои волосы, сломалась...

— Прекрасная дама, опять в мужском платье! — возмущённо проговорил сэр Этельред, не одобрительно глядя на мои брюки.

— Пора бы тебе уже привыкнуть к этому, как ты привык ко всему прочему, — усмехнулся Франсуа и повернулся ко мне. — Но, с другой стороны привыкнуть весьма и весьма непросто. Другое место, другое время, другие обычаи. Даже в моё время не очень-то приветствовалось, чтобы дама одевалась в мужское платье, а в его — считалось чуть ли не грехом. Но здесь женщинам тоже часто приходится прибегать к этому — порой длинные юбки сильно мешают и могут даже погубить.

— Дама не должна соваться туда, где опасно, это удел нас, мужчин, а женщина должна быть женственной! — отрезал Этельред. Впрочем, он тут же сменил гнев на милость и спросил: — Это весь твой улов на сегодня? Маловато.

— А у тебя и того нет.

— А я этим и не занимаюсь. Меня призвал Артур, — с гордостью объявил рыцарь. — А тебя хочет видеть Алекс, причём он приказал тебе поторопиться.

— Приказал! Я не росс, чтобы он мог мною распоряжаться... да ещё поторапливать! Вот возьму и не явлюсь!

— Ну-ну, будешь так говорить, не помогу тебе отсюда выбраться, — усмехнулся Этельред. — Имей ввиду, что кровососы в последнее время стали слишком уж наглыми и агрессивными, очень скоро они могут быть здесь.

— Ты не поступишь со мной таким образом! — возмутился Франсуа, которого явно испугала перспектива остаться в этой местности одному.

— Ты давно уже напрашиваешься на хороший урок. Но сегодня мне не до этого. Элрик, уступи даме мула, сам беги следом!.. А ты, умник, держись за стремя и пошли. Да поживее!

Мальчишка взял у меня рюкзак, закинул его на вьючную лошадь, а меня усадил на своё место. Хорошо ещё, что незадолго до роковой поездки я пару раз каталась на лошади! Поэтому я удержалась в седле, даже когда мул перешёл на очень быстрый шаг, а там и в галоп, единственно — меня удивляло, как Элрик и Франсуа поспевали за нами. Этельред сидел в седле, как влитой и успевал поглядывать по сторонам.

Потом ход поубавился — судя по всему, мы вышли из опасной зоны, и я обрела возможность проанализировать происходящее. Значит, так. Я

каким-то образом оказалась в другом мире — безусловно, заснув в не очень удобной постели и в не самом лучшем настроении. И здесь, в моём кошмарном сне, живут рыцари, разъезжающие в классном прикидке на огненных единорогах, французы, носящие мундиры наполеоновских войск и вооружённые при этом средневековыми арбалетами. При этом оба осознают, что являются представителями разных времён и, судя по всему, народов. Франсуа — явно француз, Этельред, судя по имени — сакс. Хорошо, что единственное, где у меня не было перекосов — изучение языков, даром, что ли, я выбрала профессию лингвиста? Судя по всему, это позволяет мне теперь отлично понимать и англо-саксонского крестоносца, и наполеоновского артиллериста, при чём для меня речь и того, и другого... я словно бы слышу русскую речь и не чувствую, что говорю не на своём.

Интересно, кто такие эти Артур и Алекс, о которых идёт речь?

— Ты удивляешься, что понимаешь нас, хотя мы явно не являемся твоими соотечественниками? — спросил Франсуа, как бы услышав мои мысли и оглянувшись на меня. — Я — француз, Этельред — норманн, Элрик — немец, а ты...

— Русская, — ответила я.

— Одной из особенностей этого мира является то, что здесь мы все понимаем друг друга, независимо от того, из какого мира, коих существует великое множество, мы приходим. Мы здесь как бы переходим на обще-фест... Этот мир, где мы находимся, называется Фест. Здесь тоже существует прорва самых разных языков, и есть язык, которым владеют все мало-мальски учёные люди... Осторожней, не позволяй мулу выходить на открытое пространство!..

Оглянувшись, я увидела, что мы скачем по лесной опушке. Но углубляться в лес мои новые знакомые не стали, хотя и следили, чтобы не высовываться из довольно густых зарослей. Кони и мул шли размеренным шагом, Элрик не торопился, держась рядом со мной, по нему нельзя было сказать, что он так уж устал от бега. Хотя, может, Этельред часто подвергал его такому испытанию?

— Возьми, — заговорил вдруг мальчик, звонким голосом и сунул мне в руки кошку, которая всё это время почему-то, вместо того, чтобы заскочить ко мне на колени или на вьючного коня, или на руки Франсуа, пыталась бежать своим ходом. — Она не может бежать достаточно быстро и скоро потеряется, жалко будет.

Я погладила зверька, тот замурлыкал в ответ и устроился поудобнее. Бестия — я решила так её назвать — мурлыкала, зажмурившись, а потом

заинтересовалась моим браслетом и стала тыкаться в него своим мокрым холодным носом.

— Ой, ты волшебница?! — вскрикнул мальчик, глядя на мои украшения.

— Не говори глупостей, волшебства не существует!

— Ага, не существует. И единороги — сказочные звери, — кивнул мальчик. — Он, твой провожатый, — кивок в сторону рыцаря и Франсуа, — в это тоже не верил, но пришлось. Я тоже не верил, а теперь...

— Ты паж Этельреда? — спросила я, чтобы поддержать разговор. — Для оруженосца ты слишком юн, как мне кажется.

— Слишком юн... — он вздохнул. — Только я в этом мире живу уже лет десять, а пришёл сюда таким же, какой и сейчас.

— Как же так вышло? — не поверила я.

— А здесь время идёт не так, как там, — он неопределённо взмахнул рукой. — Чтобы оно имело над нами власть, мы должны признать этот мир своим. Вообще, пока мы не признаем один из миров своим, время над нами нигде не будет властно, — вздохнул он. — Даже если я вернусь домой, всё равно я никогда не стану старше ни на год. И ты. И Франсуа. И... Этельред, — запнулся он. Я поняла, что рыцарь здесь взял другое имя. Или, может, здесь такая традиция — получать

новые имена? Я спросила об этом мальчика. — Это как кто хочет. Этельред велит называть его так, хотя на самом деле его зовут иначе. А вот Артур категоричен в этом вопросе.

— А кто такой этот Артур?

— Король Артур Пендрагон. Ну, о рыцарях Круглого Стола ты знаешь?

— Но он же...

— Он один из здешних Высших Воинов.

Вскоре единорог и мул вышли на красивую полянку, окружённую высокими деревьями, явно очень старыми, поросшими мхом и лишайником. Оглядевшись по сторонам и заставив Элрика проверить какие-то кусты, Этельред соскочил со своего скакуна — на удивление легко и даже изящно, в то же время Франсуа помог мне слезть с мула и устроиться на небольшом пенёчке, пока рыцарь и его паж привязывали своих животных и доставали всё необходимое для привала.

— Ты не привычна к столь долгим переходам, да ещё после Прохождения Врат, — вздохнул он. — Надо отдохнуть и перекусить. Мадемуазель, верно, голодна?

— Мадемуазель в настоящий момент способна съесть целую корову! — ответила я. — Со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

— Ну что же, маковых росинок у нас нет, равно как и коров, — усмехнулся Этельред, глядя,

как Элрик расстилает прямо на траве кусок холста и раскладывает на нём куски хлеба и холодного мяса, кроме того, из сумы были извлечены две жестяные кружки и большая бутылка, в которой плескалось что-то тёмное. — Есть оленина, хлеб и эль.

— Конечно, это не совсем подходящая еда для мадемуазель, — вздохнул Франсуа.

Но мой желудок был с ним категорически не согласен и выдал такую трель, что я поняла: если сейчас, же не съест хотя бы половину предложенного, я просто умру от голода. Об этикете в эту минуту не могло быть и речи, и я вгрызлась в хлеб — не самый свежий и мягкий — как маленький хищный зверёк. Правда, пива я никогда не любила, предпочитая простую минералку, но за неимением ничего другого, пришлось пить мелкими глотками тёмный эль. Ужасная бурда, на мой вкус.

— Да, это совершенно не похоже на доброе старое бургундское, — вздохнул Франсуа, было видно, что ему тоже не доставляет особой радости это пойло. — Наверное, следовало поискать для мадемуазель родник, здесь должен быть неподалёку источник...

— Не стоит, — ответила я, прожевав кусок оленины. Не знаю, кто её жарил, но соли он явно пожалел, да и суховато... Хорошо, что было пиво

— без питья такое не прожуёшь. — Почему ты называешь меня мадемуазель?

— Потому что я француз и всегда обращаюсь так к молодым незнакомым девушкам, а ты не назвала своё имя.

— Я просто не знаю, какое назвать. Там... у меня было другое имя, но, похоже, мне придётся взять здесь имя Варвара, так как такое могло случиться исключительно с Варварой...

— Это имя очень подходит для нашего мира, — заметил Франсуа. — Варвара с греческого — чужеземка. И здесь ты пока чужеземка, пришелица из другого мира.

Перекусив, мы опять сели верхом — я говорю о себе и рыцаре, Элрик и Франсуа побежали у стремени, причём француз и норманн затеяли какой-то спор, а мы с мальчиком отстали, чтобы не мешать им выяснять отношения.

Вскоре мы выехали на тропу. Навстречу стали встречаться путники. В том числе проехал какой-то карлик с ушами, похожими на слоновьи, сидевший на огромной крысе. При виде этого зверя я дико заорала и чуть не упала, хорошо ещё, что Элрик был рядом. Потом прошёл ещё какой-то тип... с длинными ушами и длинным носом.

— Ты не должна пугаться, — сказал Элрик. — Здесь ты можешь увидеть и не такое. И помни — какое бы впечатление у тебя ни сложилось

изначально, ты не должна выказывать никому презрения и удивления исключительно из-за того, что они, видите ли, выглядят не так. Некоторые могут просто обидеться, а другие — схватятся за оружие. Для нас они — уродцы, но для них и мы сами — безобразны.

— Это был ушан, который маленький, — сказал Франсуа, оглянувшись. — Это мирный, совершенно неприметный народец, практически единственная раса, которой позволено просто существовать. То есть, до сих пор было позволено. А второй — эльф-полукровка. Вот только не скажу, кто ещё у него в роду, но его не принимают, ни те, ни эти. Те, которые произошли от родителей разных рас и племён не пользуются особой любовью.

— А таких... много? — опасливо спросила я. Мамочки, куда это я попала?!

— Не то слово! Светлые, тёмные, так называемые нейтралы, одни сильнее, другие — слабее. Эльфы считаются светлыми, причём, как ни странно, как обычные, так и некоторые из их «тёмных» собратьев, которых называют ещё дроу. Но эльфы очень гордые и редко снисходят до общения с другими расами, только когда без этого никак не обойтись. Гномам и карликам мало дела до того, что происходит в мире Громил, как они называют всех, кто выше их ростом. Природные

жители... Тоже считают общение с другими расами недостойными себя, чаще всего, хотя и тут обстоятельства могут побудить их к исключению из этого правила. Но иногда нам приходится объединяться, чтобы противостоять ордам орков, троллей, тёмных гоблинов... иных тёмных. Ты потом узнаешь обо всём побольше.

Я вздрогнула. В моём мире, когда я училась в университете, мне было трудно высидеть на долгих лекциях, независимо от того, насколько интересными они были, и я всякий раз вздыхала с облегчением, когда лекция заканчивалась. И вот, попала в другой мир и там мне тоже норовят прочитать лекцию.

Но больше он не успел мне ничего сказать — Этельред осадил своего единорога, француз отцепился от него и помахал мне рукой. Элрик помог мне слезть с мула — с непривычки я чуть не упала, всё тело у меня одеревенело.

— К сожалению, я не могу вас сопровождать дальше, — сказал рыцарь. — Меня ждёт Артур. А вам нужно к Алексу. Думаю, будет лучше, если он всё объяснит прекрасной даме лично — они явно одного народа. И надеюсь, в следующий раз вы будете одеты соответственно своему полу, миледи. Желаю вам поскорее освоиться здесь.

Франсуа вас доведёт до территории россов, а там вам помогут.

— Россы?

— Это название клана, — пояснил Франсуа. — Здесь все державы дополнительно делятся на кланы, гильдии, ордена и так далее. Вообще, мир наш очень жесток и приходится держаться сообща только для того, чтобы элементарно выжить.

Я не могла идти, но мой спутник сумел найти телегу, запряжённую двумя здоровенными быками, которая тащилась в нужную сторону, и возница согласился нас подвезти. Франсуа помог мне забраться на повозку и устроиться на куче мягкого, душистого сена.

— С непривычки всегда так, — сказал он. — Когда меня впервые посадили на мула, я после этого отлеживался, чуть ли не трое суток. Ты выглядишь получше.

Бестия устроилась поудобнее у меня на коленях, свернувшись клубочком и мурлыча. Франсуа заинтересовался обстоятельствами нашего знакомства с моим зверьком, и я рассказала о нашей встрече с Бестией в моём мире.

— Это не только с кошками так, — сказал он. — Очень многие животные сами выбирают себе хозяев, и никто не знает, как. Это как носитель магии у волшебника, оружие воина или инструмент технолога. Если они не захотят тебе подчиниться, то они этого не сделают, а если захотят, то, как бы

ты к ним ни относился, будут служить тебе верой и правдой. Судя по твоим словам, твоя кошка, потеряв хозяина здесь, повсюду искала нового, и поиски привели в тот, Старый Египет, где ты ей очень понравилась. Теперь она будет предана тебе до последнего, если понадобится, даже отдаст за тебя свою жизнь.

Он замолчал, а я лежала, поглаживая Бестию и думая, какие ещё сюрпризы преподнесёт мне мой сон?...

— ...Варвара, мы приехали, — оказывается, в своём сне я ещё и уснула. Проснувшись, я увидела, что уже темно, а телега стоит перед небольшим белым зданием, похожим на боевой шатёр. — Нас ждут, — Франсуа пригладил рукой взъерошенные волосы и отряхнул смятый мундир. Я вылезла и тоже поправила одежду — насколько это было возможно. Из шатра вышел какой-то бравый молодец в мундире, и Франсуа вступил в переговоры с ним. Я стала в стороне, оглядываясь по сторонам, но пейзаж был слишком скучным — голая равнина, поросшая выгоревшей от солнца травой, и я стала обдумывать сложившуюся ситуацию. При этом я отчаянно щипала себя за руку, пытаюсь проснуться — но всё было напрасно. Потом, когда моя рука вся покрылась синяками,

молодец взмахом руки пригласил нас обоих войти внутрь.

— Девочка моя! — раздался за моей спиной знакомый голос. Обернувшись, я увидела дядю Гришу... То есть, я знала, что это он, хотя выглядел старый дедушкин коллега и лучший друг не на семьдесят лет, а на пятьдесят, ну, пятьдесят пять — с натяжкой. Морщин на лице почти нет, ни единого седого волоска в роскошной шевелюре каштановых волос, хотя прежде он был почти лыс, седые волосы оставались лишь на затылке. Глаза весело сияли, дядя Гриша был в превосходном настроении. Правда, меня чрезвычайно удивило, что он одет по моде девятнадцатого века, по крайней мере, именно таких кавалеров я видела на портретах той эпохи — чёрный сюртук и белые панталоны, заправленные в сапоги, в руке держал щёгольскую трость. — И ты сюда попала! — сказал он грустно. Потом взглянул на мою руку... — Какого дьявола ты нацепила этот проклятый браслет?... Ладно, расскажешь обо всём позже, а сейчас пойдём отсюда.

Мы вышли из шатра и зашагали в сторону гор, видневшихся вдали. Но дошли только до коновязи. Я говорю — коновязи, хотя настоящих лошадей здесь не было, даже единорогов, только ослы, мулы, и другие четвероногие твари и даже нечто, напоминавшее динозавра. Собственно, от динозавров это существо отличалось размерами —

по моим представлениям, доисторические ящеры были огромных размеров, это же двуногое существо с коротенькими передними лапами, головой с уродливым наростом на затылочной части и длинным хвостом, было размером немного крупнее лошади. Но дядя Гриша подвёл меня к крупной четвероногой ящерице, которая сердито зашипела на меня. Я окаменела, только чувствовала, что волосы на голове встают дыбом от ужаса, ноги задрожали...

— Здесь у каждого человека свой собственный живой транспорт, — пояснил мой спутник. — Твоим, скорее всего, станет твой кот, когда ты поймёшь, как придавать ему нужный размер. Пока же придётся мне взять тебя к себе на седло, хочет этого Агама или нет...

Лучше бы он спросил у меня — хочу ли Я садиться на эту самую Агаму! Она наводила на меня тихий ужас, я окаменела под её неприязненным взглядом, только чувствовала, как мурашки бегут по коже...

— Не бойся, — сказал дядя Гриша. — Она не тронет, но садись передо мной, чтобы она не могла задеть хвостом, вообще-то говоря, она дама своенравная. Да, называй меня Григор — тут меня все называют именно так. И тебе самой надо придумать другое имя.

— Зачем? — я всё же дала уговорить себя и села на ящерицу. Она тут же стартовала на очень высокой скорости, так что, не удерживай меня дядя... Григор, я бы тут же и вылетела из седла, тем более, что удерживаться могла только одной рукой, в другой у меня была Бестия. Нетушки, если ездить верхом, то только на лошади или муле! Даже самый резвый конь идёт куда спокойнее, чем эта тварь! Поэтому я не стала переспрашивать, когда Григор оставил мой вопрос без ответа, а сосредоточилась на том, чтобы удержаться в седле, и надеялась лишь на то, что поездка скоро закончится.

Она закончилась через пятнадцать минут на узкой улочке небольшого города. Мы слезли, Григор похлопал ящерицу по боку и та убежала. У меня после безумной скачки кружилась голова, и я даже не имела сил, чтобы оглядеться по сторонам.

Придя в себя, я увидела, что сижу в очень удобном кресле у весело потрескивающего огня в камине в полутёмной комнате. Её освещало только каминное пламя, и помещение было заполнено таинственными тенями, и только приглядевшись, можно было понять, что на стенах висят картины, у стены — что-то, похожее на диван. Григор сидит в таком же кресле — явно старинном, хотя я и не знала, к какому веку оно могло относиться, между креслами на невысоком столике стоял кувшинчик

гранёного хрусталя и два таких же бокала, полных рубинового напитка.

— Выпей, тебе станет лучше, малышка, — сказал Григор, улыбаясь.

— А не бойтесь, что...

— Здесь положено обращаться на ты. Вы — в случае... натянутости отношений, среди равных. На Вы обращаются к так называемым Высшим и магам, но и последние не все предпочитают выканье. И — я понял, что ты хочешь сказать. Не боюсь. И ты не бойся.

— Муррр...

Я почувствовала, как кто-то прошёлся у моих ног. Конечно, это была Бестия, она сначала легла на пол, а потом, заметив, что я смотрю на неё, запрыгнула мне на колени и замурлыкала. Мне сразу стало спокойнее на душе. Хотя... было как-то странно сидеть с дядей Гришей, называя его при этом Григором в полутёмном помещении, у камина... с кошкой на руках. Обстановка была самая умиротворяющая, но всё же необычная.

— Пей, девочка, не бойся, это не алкоголь, а освежающий напиток.

— Но что случилось? Что это... впрочем, что же это я спрашиваю... Это сон, затянувшийся сон...

— Нет, нет и нет, это явь, к сожалению. Тягостная явь. А что это за мир...

Он надолго замолчал, глядя в пламя камина.

— Это сложно объяснить, так, чтобы ты поняла, поняла правильно, а не решила, что я рассказываю тебе очередную сказку...

Дядя Гриша всегда знал множество увлекательных сказок, которые он сам называл «историями», и которые я очень любила слушать, в отличие от дедушки, который всякий раз одёргивал друга.

— Хотя бы Элен в это не втягивай!..

— Для начала... Мои истории не были сказками. Это была быль. То, что я пережил здесь. То, что пережил твой дед, хотя он в этом никогда не признается. Это всё с нами было — здесь.

— Здесь? Дедушка здесь был?! — ахнула я.

— Да. Как ты помнишь, он ездил в Мексику и пропал. Так вот, на самом деле эти несколько лет он провёл здесь. Здесь же он и встретил твою бабушку, в которую влюбился до безумия. Отсюда он выбрался уже вместе с ней, а она прихватила с собой свой драгоценный гарнитур из обсидиана. По словам твоей бабушки, эти украшения частично принадлежали культу какого-то бога, уже не помню, какого именно. Другие были реликвиями её собственной семьи, оставить их здесь, отправляясь вместе с твоим дедом, она не захотела, или попросту не могла. Но при Переходе через Врата потеряла один браслет. А потом, в силу ряда обстоятельств, была вынуждена расстаться с

частью своих украшений, впоследствии ко мне попало ожерелье и перстень.

— Но дедушка смог вернуться! — обрадовалась я. Так вот, что тогда случилось! И, если браслет имеет отношение к этому миру, понятно, почему дедуля его так боится. На самом деле он боится не самого браслета, а боится всего, что так или иначе может напомнить ему об этом путешествии. Но — при всём этом, он, же смог найти выход, вернуться! Значит, я тоже могу!

— Подожди. Прежде... Я должен наконец объяснить, куда ты попала.

И здесь Григор тоже прочитал мне очень длинную лекцию. Интересную, тем более, что «лекции» в его исполнении, как и в дедушкином, я всегда готова была слушать часами, они были совершенно не похожи на университетские, под которые я периодически засыпала.

Он рассказал мне совершенно удивительную историю. Я слушала, и не знала, как ЭТО воспринимать — как какую-то шутку, розыгрыш? Но, с другой стороны — я уже знала, что не сплю, а наяву оказалась в совершенно диком, невероятном мире. А потому и то, о чём мне рассказывал Григор, хотя бы частично вполне может оказаться правдой, невероятной, шокирующей, но правдой.

В своё время, отчасти благодаря дедушке и дяде Грише, я увлекалась историей и всем, что с

ней связано. Мне было известно и о существовании множества загадок, странностей, которым люди не могут найти объяснения. Легенды о затонувших материках — Атлантиде, Лемурии... О древних цивилизациях египтян, индейцев — инков, ацтеков, майя... Китайская цивилизация... Истуканы на острове Пасхи... Бермудский треугольник... Это только некоторые примеры, а их очень и очень много, больше, чем можно предположить. Мы свою историю знаем чрезвычайно поверхностно.

Григор объяснил, что, живя здесь, он убедился, что даже многие факты, которые мы считали фактами своей истории, в действительности являлись мифами. Многого не было вовсе или же было, но не совсем так, или совсем не так, как мы об этом думали. Просто человек привык смотреть на определённые вещи со строго конкретной стороны. А следовало смотреть с совершенно противоположной, и то, едва ли удалось понять, что же при этом становится видно.

— ...Иногда, — продолжил он, сделав непродолжительную паузу, чтобы выпить ещё рубинового напитка и подбросить дрова в камин, — я читал научные статьи о существовании порталов, межпространственных воронок. Многие подвергают это сомнению, мол, всё сказки, выдумки псевдоучёных. Но даже эти «псевдоучёные» едва ли подозревают, насколько

они близки к истине. Эти порталы существуют — и в очень большом количестве, просто люди их не видят. Часто проходят мимо, могут даже наступить на камень, служащий порталом...

— Наступить — и попасть сюда?! Тогда сюда могло попасть множество людей!

— Просто наступить — недостаточно. Необходимо стечение целого ряда обстоятельств, хотя ты и не далека от истины.

Учёные обнаружили «порталы» на Антарктиде и правильно предположили, что порталами могут служить пирамиды, Стоунхендж и некоторые другие сооружения прошлого. Но это только малое количество Врат — как их называют учёные в этом мире. Григор заявил, что почти все места, представляющие историческую или археологическую ценность, являются такими Вратами. Языческие храмы и жертвенники. Очень многие пещеры. Даже порой голый камень, торчащий из воды, может быть порталом. И миражи, которые человек видит в пустыне... это не просто марево. Это своеобразный знак отсюда, послание, но люди не умеют его понимать.

— Но кто и зачем создал все эти Врата? — спросила я. Потрясающе! Если это сон... то очень увлекательный, а Григор — потрясающий рассказчик.

Хотя... в этот момент я вспомнила другой сон. На который теперь приходилось смотреть иначе.

В тот день я пошла с подругами на экскурсию в старую часть города. Там была очень красивая старинная башня, наверху которой соорудили смотровую площадку, с которой открывался великолепный вид. Мы шли, предвкушая удовольствие от красивых видов, открывавшихся оттуда... Правда, чтобы войти в башню, нам предстояло пройти через небольшую строительную площадку. В тот день работы не велись и опасный участок дороги, где была довольно глубокая яма, закрыли досками. И вот, все идут через этот мост, две мои подруги, помня о моих странностях, взяли меня под свою опеку, я же на ходу проверяла свою камеру. Камера была в рабочем состоянии, но, когда мы уже были на нужной стороне пропасти, она вылетела у меня из рук, я бросилась её поднимать... доски подо мной сдвинулись, и я ухнула в яму! Подруги этого не заметили, так как свою задачу — перевести меня через мост — они выполнили и могли со спокойной душой общаться с молодыми людьми.

Я помнила — полёт, показавшийся мне бесконечно долгим, а потом я оказалась в огромном тёмном, пыльном, страшном помещении, со стен и потолка стекала отвратительная вонючая слизь, под ногами чавкала ещё более мерзкая жижа, в которую

это преобразовывалось. И в этом кошмаре у стен, прикованные к ним тяжеленными цепями, сидели живые скелеты! То, что они были живыми, я поняла, когда увидела, что они шевелятся, хотя... Один из них и в самом деле представлял собой набор костей, и то не полный... Когда он поднял руку, я завизжала и потеряла сознание.

Очнувшись, я увидела, что и в самом деле оказалась в тёмном пыльном и сыром помещении, но, понятно, никаких скелетов, ни живых, ни мёртвых, здесь не было. Здесь не было абсолютно ничего, только где-то высоко над головой у меня светлел провал... И в стенах зияли проходы... Вверх я подняться не могла, оставалось только надеяться, что мне удастся выбраться через один из этих коридоров и я пошла. Пыталась кричать, звать на помощь, но у меня пропал голос... В конце концов я потеряла последние силы, пришла в отчаяние, села у стены и заплакала...

Не помню, сколько времени я так просидела, когда меня нашёл гид и с ним — мои подружки, Света и Наташа, они бросились меня обнимать, что-то кричали, трясли меня за плечи, но я их не слышала... Лишь на следующий день начала что-то соображать и узнала, что случилось.

Оказывается, мои подружки даже не заметили моего исчезновения, настолько захватывающей была экскурсия. Гид рассказывал об этом замке, о

его хозяевах... и упомянул, что здесь, как и во всех старинных зданиях, согласно легендам, водятся привидения, которые любят завлекать в свои владения непосвящённых людей и пугать их до смерти своими воплями.

И как раз в этот момент раздались страшные звуки. На крики это похоже не было совершенно, это вообще ни на что не было похоже, но все ужасно перепугались, хотя никто всерьёз в привидений и не верил. Было видно, что даже гиду весьма не по себе... И лишь когда Наташа обернулась, чтобы что-то мне сказать, и обнаружила, что меня здесь нет, они догадались, что случилось, и все бросились меня искать...

И вот теперь, услышав про порталы в памятниках старины, я невольно вспомнила этот случай и чей-то тихий голос: «ещё не пришло время, но ты ещё сюда вернёшься, мы будем тебя ждать»...

Было ли это простым сном? Или я тогда прошла в один из этих Порталов и попала в Фест? Но — тогда я смогла оттуда выбраться, неужели в этот раз мне это не удастся? На всякий случай, об этом я Григора решила не спрашивать.

— Этого я не знаю. Для такого знания я... Я вообще занимаю низшую ступень в местной иерархии... теперь. Раньше было иначе, но я допустил очень серьёзный промах, за что был

понижен. Но и в лучшие времена я не был в числе Высших. Да мы, пришельцы, и не можем войти в их число до определённого момента.

— Но как я попала сюда?

— Так, как попал и я. Как попал в своё время твой дед. Как все сюда попадают — через Врата. Я даже могу тебе сказать, через какие пришлось пройти тебе. Проклятая пирамида. Судя по всему, ты каким-то образом попала в эту долину, хотя едва ли тебя туда могли повезти на экскурсию, это чистая случайность. Но то, что ты нашла камень-портал — это уже не случайность, это как раз то, о чём я тебе говорил — стечение целого ряда обстоятельств, не знаю, какие они были в данном случае, но это судьба. Меня сюда доставил этот же камень. Единственное, в отличие от тебя, я шёл на это осознанно.

— Но ты говорил, что для того, чтобы Врата открылись, нужно... Какие обстоятельства привели к этому в моём случае?

Оказалось, что среди этих обстоятельств должен быть... Браслет. Он отсюда родом.

В тот день, когда Григор показывал дедушке своё ожерелье, то он сделал это со строго определенной целью, зная, откуда взялись эти знаки и каким образом на украшении могли появиться письмена разных цивилизаций и эпох. Это был знак для дедушки. Предупреждение. О чём — Григор не

мог сказать, но дедушка в любом случае ему не внял. Многие артефакты Феста — того мира, в который я попала — утратив своего владельца, отправляются наверх, в тот мир, откуда я пришла, для того, чтобы найти нового. Они существуют для конкретного хозяина. Человека, соответствующего строго определённым требованиям, которые предъявляют к своему обладателю эти предметы. Так и эти украшения. Они внушают ужас тем, для кого не предназначены. Но если их возьмёт в руки тот, кого они ищут...

— ...Вот ты, к примеру, не можешь снять браслет. Он прирос к твоей руке, стал частью тебя. Потому что ты — и только ты — можешь быть его владелицей. Его и его братьев — ожерелья и кольца. Надо было взять с собой...

— Я взяла их с собой, — я случайно опустила глаза вниз и обнаружила рядом со своим креслом рюкзак, порылась в нём и протянула Григору шкатулку. Тот кивнул, но отстранил мою руку. — Они твои... Мне их дала женщина, следящая за твоей квартирой, но принадлежат они тебе, я взяла их с единственной целью передать настоящему владельцу, которым не являюсь сама.

— Нет. Ты — владелица, эти артефакты, как я теперь понимаю, изначально были предназначены именно для тебя и тебя они наделят великой силой,

и поверь мне, это не раз сослужит тебе службу и поможет выжить в этом мире.

— Помогли бы они вернуться назад! Я хочу домой, к маме и дедушке!

— Я всё понимаю, но всё не так просто. Этот мир не отпускает пришельцев без выкупа. Для того, чтобы получить право вернуться, ты должна занять определённую ступень в местной иерархии, а это очень трудно. Ты должна это заслужить. Это будет связано с огромными сложностями и смертельной опасностью. Я, к сожалению, не могу тебе помочь в этом.

— Но почему?

— Существуют строгие законы, которые никто не может нарушить.

— И как же я могу заслужить возвращение домой?

— Это ты узнаешь со временем. Всё, что я могу сделать — дать тебе рекомендацию для нашего Дома. Для того, чтобы выжить — Франсуа должен был тебе это сказать — мы объединяемся в Дома, кланы, гильдии и так далее. Законы здесь самые суровые, наказание за нарушение устава — до исключения включительно, а это верная гибель, одна ты здесь просто не выживешь.

Тут мне вспомнились наши разговоры с Франсуа, Этельредом, и я решила задать ещё один вопрос:

— А... Мне тут говорили о короле Артуре...

— Это один из примеров того, о чём я тебе уже говорил. Смерть Артура была мнимая. Его бездыханное тело положили в ладью и предали водам реки. А она принесла его в Авалон — в наш мир. Здесь ты можешь встретить и других исторических персонажей, и... Больше я тебе пока ничего не скажу, ты сама всё увидишь, когда придёт время. Да, вот ещё — здесь нет знакомых тебе технологических достижений земной цивилизации, нет машин, нет привычных для тебя часов, нет электричества, нет телефонов. Вернее, в некоторых областях Феста всё это есть.

— Так почему же ты живёшь здесь, а не переберёшься туда, где и тебе, да и мне теперь было бы проще? Здесь, как я понимаю, царство средневековья, а там...

— Те, кто там живёт — наши враги. У нас здесь очень много врагов, которых мы должны остерегаться. И мы не можем пользоваться тем, чем владеют наши противники. Порох используется исключительно для фейерверков и других спецэффектов. Ты должна была заметить у Франсуа арбалет, хотя ему более пристал бы хороший карабин или винтовка.

— А как сюда попал Франсуа? Или ты не знаешь?

— Он из времён бонапартовских войн. Участник египетского похода Наполеона. И вот, когда французская армия стояла лагерем в долине пирамид, этот красавец, будучи, как, возможно, он тебе сказал, артелиристом, не нашёл ничего умнее, как поупражняться в прицельности стрельбы из пушки, выбрав в качестве мишени Сфинкса! У него создалось такое впечатление, что сюда его забросило отдачей после выстрела, хотя это совершенно не так. С кем ты ещё здесь повстречалась? Расскажи поподробнее, как ты сюда попала и как добиралась...

Я выполнила его просьбу и описала своих спутников, может, Григор знает и их. Он задумался и продолжил через пару минут.

— Этельред... Он принимал участие в Третьем крестовом походе, но это практически единственное, что мы о нём знаем. Догадываюсь, что он очень знатного рода. Пойдём, я отведу тебя наверх, где ты можешь отдохнуть и выспаться. Представляю, как ты вымоталась за этот день, сам я неделю на ноги встать не мог после первого прохождения Врат. Врата, безусловно, понятие растяжимое, мы так называем переход между мирами...

Глава третья

...Проснувшись, я не сразу встала, а некоторое время лежала с открытыми глазами, глядя в низкий потолок. Он был серый от копоти — моя спальня освещалась всего лишь факелами, — и абсолютно не интересный, но мне надо было вспомнить всё, что со мной случилось перед этим, и о чём мне рассказывал Григор.

Значит, так — это не сон. Тем более — после вчерашней скачки у меня по-прежнему болели мышцы, и это была боль не от неудобного сидения в кресле, на стуле или диване. Подобное у меня возникло лишь однажды — когда во время экскурсии меня шутки ради усадили на лошадь. Сама прогулка тогда верхом мне понравилась, когда я отвлеклась от ощущения чего-то живого под собой, но когда меня с этой лошади сняли... Тогда у меня несколько дней болели мышцы, и сейчас я испытывала нечто подобное. Значит, меня наяву занесло в неведомый параллельный мир, причём в роли проводника послужил обсидиановый браслет, который я никак не могу снять со своей правой руки. Да, признаться, мне и не особенно хочется это делать — браслет и в самом деле очень красивый.

Здесь меня нелёгкая свела с рыцарем-крестоносцем, норманном, почему-то

взявшим себе саксонское имя Этельред, и Элриком. В этом мире живут самые разные существа — в том числе длинноухие — разъезжающие чёрт знает на чём... на единорогах, огромных крысах и ящерицах. И выбраться мне отсюда, по словам Григора, никак не удастся...

Внизу раздался шум. Мужские голоса, о чём-то яростно спорившие. Пару раз я даже разобрала имя «Варвара», произнесённое явно с каким-то напряжением. Григор на меня сердится? И с кем это он? Нет, надо вставать, благо, Бестия проснулась и соскочила с кровати.

Встав, я увидела, что нахожусь в довольно большой комнате, где стояла кровать — широкая, ореховая, поверх — мягчайший матрас, шёлковое белоснежное бельё. На пологе не было никаких рисунков — просто белоснежное воздушное полотно. На полу — красивый ковёр, мягкий и тёплый. Из мебели... Мебель вся орехового дерева, крутящееся кресло у письменного стола, два стула и диванчик обиты белой тканью. Я ощупала её — это был не шёлк, не бархат, не ситец... Я вообще не поняла, что это за ткань, но на ощупь она была очень приятной.

— Мяу!

Я оглянулась в сторону кошки. Она сидела перед стулом у кровати, на котором была разложена одежда — не моя. Судя по всему, пока я спала,

Григор или кто-то другой принёс мне одежду, более подходящую для этого мира, вместо моих лёгких, белых некогда брючек, во время путешествия утративших свою белизну и порвавшихся в нескольких местах, и блузы здесь была длинная голубая юбка и белая блузка с отложным воротничком. Поверх одежды — шкатулка с ожерельем, но без кольца.

Одежда была не моя, не привычная. Я всегда предпочитала спортивный стиль, а эти юбки... Наденешь мини — парни будут пялиться и слюнки пускать. Однажды один даже сунул руку... Хорошо, Пашка, друг детства, был рядом, наkostenялял. Макси... При моём характере и удаче — запутаешься с непривычки, наступишь себе же на подол, упадёшь и разобьёшь нос. Но тут просто выхода не было, пришлось надеть её. Глянув на себя в зеркало, я отшатнулась от него.

Я — блондинка, пепельная. Вернее, такой я была раньше, но сейчас на меня из зеркала таранилась девушка, с золотистыми волосами, с белоснежной, а не смуглой (в папу) кожей, глаза остались зелёными, но не гороховыми, а изумрудными, как у моей бабушки на портрете... Какого чёрта? А плечи, спина, осанка...

«Не горбись! Не сутулься! — постоянно выговаривала мне мама. — Что за манера постоянно горбиться? А голова у тебя что, такая

тяжёлая, что ты не можешь держать её прямо? Ведь красивая девушка, что ты с собой творишь?!»

Я приподняла юбку и закружилась. Как ни странно, не запуталась, а, когда заинтересовалась дверью, рядом с той, что явно вела из моей комнаты в коридор, заметила, что моя походка вдруг стала летящей, воздушной... Да что же это такое?! Что со мной происходит?!

За дверью оказалась дамская комнатка. Вернее, две комнаты. В первой стоял комод с зеркалом, на столешнице лежало несколько гребней, костяных, как я убедилась, взяв один из них в руки, очень красивых и удобных, набор заколок. Да, волосы, мало того, что сменили оттенок, да ещё и удлинились, если раньше они едва доходили до плеч, то теперь они густой лавиной обрушивались на талию, так что с ними следовало что-то сделать — заплести в косу или заколоть, чтобы быть спокойной за них. За дверью рядом с комодом оказалась отличная ванна.

Приведя себя в порядок, я задумалась: спускаться или нет? С одной стороны, неизвестно, какие тут порядки, с другой — там идёт оживлённый спор, но с третьей — я проголодалась. А когда я голодная... Поэтому решила не ждать, когда кто-нибудь догадается принести мне завтрак в комнату, да и не приучена я есть в спальне.